

МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ И ИДЕЯ АКТУАЛИЗАЦИИ ЗАБЫТОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСОВ)¹

Добровольский Д. О. (dm-dbrv@yandex.ru),
Левонтина И. Б. (irina.levontina@mail.ru)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, Россия

В русском языке имеется богатый репертуар дискурсивных средств для выражения идеи актуализации забытого. В одних случаях говорящий напоминает адресату о каком-то объекте или событии, в других — говорящий пытается припомнить какую-то деталь или название, касающиеся событий, о которых он рассказывает. Некоторые дискурсивные слова обслуживают оба типа контекстов, другие специализируются на одном из них. Мы рассмотрели также переводные эквиваленты, которые используются для этих слов в английском и немецком языках. Мы опирались на данные параллельных корпусов НКРЯ. В английском соответствующие значения если и выражаются, то скорее либо синтаксически, либо с помощью эксплицитных высказываний. В немецком же репертуар дискурсивных средств не менее богат, чем в русском, однако при этом нет одно-однозначного соответствия между русскими и немецкими дискурсивными словами. Семантические конфигурации у них различные, и хотя смысловые компоненты зачастую очень похожи, но сочетается по-разному, и поэтому в разных контекстах все частицы переводятся достаточно разнообразно.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, параллельные корпуса, контрастивные исследования, модальные частицы, семантика, перевод

MODAL PARTICLES AND THE ACTUALIZATION OF FORGOTTEN DETAILS (BASED ON THE MATERIALS OF PARALLEL CORPORA)

Dmitrij Dobrovolskij (dm-dbrv@yandex.ru),
Irina Levontina (irina.levontina@mail.ru)

RLI RAS, Moscow, Russia

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 13-06-00403) и РГНФ (грант 15-04-12018).

The use of parallel corpora carries with it special problems, particularly when it comes to units that are typical of oral speech. Nevertheless, it is the presence of good Russian-English and Russian-German parallel texts in the RNC that has made the present study possible. Our analysis also demonstrates the limitations inherent in investigations based on parallel corpora, especially with respect to discursive words. Only a combination of various research methods is capable of producing adequate results.

In this study we analyze a group of discursive words whose semantics actualize things that have been forgotten. There are two types of situations here. In the first, the speaker reminds the addressee of some object or event; in the second, the speaker attempts to remember some detail or name connected with the events s/he is talking about. Certain discursive words apply to both types of contexts, whereas others are special to one of them. Among the Russian discursive words that express these ideas are units such as *biš'*, *tam*, *ešče*, *pomnite*, *étot* and phrasemes like *kak tam*, *kak ego*, *kak že*, *éto samoe*, etc. We also examine English and German equivalents used to translate these words.

Russian has a rich repertory of discursive resources for actualizing forgotten details. In English, if the corresponding meanings are expressed at all, it tends to be done either syntactically or by means of explicit utterances. The German arsenal of discursive resources is no less extensive than the Russian, but there are no one-to-one correspondences between the Russian and German discursive words. They have different semantic configurations, and although the meaning components are often quite similar, they combine differently, so that translations of such particles in various contexts are rather diverse.

Key words: corpus linguistics, parallel corpora, contrastive studies, modal particles, semantics, translation

1. Использование современных технологий, в частности электронных корпусов, с одной стороны, существенно облегчают работу лингвиста, предоставляя в его распоряжение практически неограниченный объем данных. Однако с другой стороны, действительно эффективное использование новых технологий невозможно без их теоретического осмысления.

Корпусный материал активно используется в современных лингвистических исследованиях. Возникает впечатление, что само по себе обращение к корпусам является гарантией объективности исследования и представительности эмпирических данных. В действительности же всегда остается вопрос, насколько полученные данные отражают реальность языка и соответствуют интуиции его носителей.

Для получения достоверного представления о функционировании языковых единиц необходимо сочетание разных методов, таких как: опросы информантов и интроспекция. В простых случаях при корректном использовании разных методик существенно различаются, необходимо установить источник этого несоответствия. Иными словами, когнитивная реальность корпусных данных нуждается в дополнительных обоснованиях и эмпирической проверке. Априорно нельзя утверждать, что результаты анализа корпуса (даже если он достаточно большой и претендует на репрезентативность) отражает интуицию

носителей языка. Иными словами, языковая интуиция (“patterns of knowledge”) не может быть приравнена к “patterns of use” (как они, в частности, фиксируются в корпусах). Ср., в частности, [Wray 2002: 277]. Теоретически возможно, что каждый из этих феноменов в какой-то степени существует независимо от другого. Ср. указание на то, что “it is still true that the relation between the two types of data remains unclear and that identity cannot be taken for granted” [Gilquin, Gries 2009: 17]. Таким образом, может оказаться, что корреляции между корпусными данными и языковой интуицией носителя довольно сложные.

По корпусным методам и их соотношению с экспериментальными данными (данными опросов), интроспекцией и пр. есть уже большая литература; ср., например, [Bybee, Hopper 2001; Nordquist 2004; Baroni, Guevara, Pirrelli 2007; Marzo, Rube, Umbreit 2007; Wulff 2007; McGee 2009]. Этой проблематике посвящен специальный номер журнала *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 5 (1) 2009 “Corpora and experimental methods”. Ср. также [Gries, Hampe, Schönefeld 2005; Kepsner, Reis 2005; Arppe, Järvi-kivi 2007; Mollin 2009; Divjak, Gries 2012]. Так, в работе [Littlemore, MacArthur 2012] разбирается показательный пример со словом *thread*: оказывается, что соотношение частоты разных значений этого слова по данным корпусов и по данным опросов радикально расходится. О соотношении разных методов применительно к исследованию русских дискурсивных слов и их переводных эквивалентов см. [Добровольский, Левонтина 2009]).

Использование параллельных корпусов сопряжено с дополнительными трудностями. Во-первых, их объем пока невелик. Так, входящий в состав НКРЯ русско-английский корпус включает около 3,6 миллионов словоупотреблений, русско-немецкий — 2,7 миллионов, а другие русско-иноязычные корпуса существенно меньше. Во-вторых, они несбалансированы: в них входит в основном художественная литература (проза), почти исключительно литература XIX века (причем очень ограниченный набор авторов).

Понятно, что для наших целей — описания особенностей употребления дискурсивных слов — этот материал совершенно недостаточен. Впрочем, параллельные корпуса устной речи — это задача, которая в принципе непонятно, как могла бы быть решена. Для описания дискурсивных слов было бы полезно иметь хотя бы тексты пьес и тех прозаических произведений, в которых много диалогов, причем это должны быть в первую очередь более современные произведения. При этом ясно, что реальная спонтанная устная речь и ее имитация в художественной литературе — это разные вещи.

В современных корпусных исследованиях большие возможности сулит также использование так называемых «сравнимых (comparable)» корпусов, на что нам указал один из анонимных рецензентов. Однако как раз для исследования дискурсивных слов корпуса этого типа едва ли могут предоставить какой-либо материал.

Несмотря на все это, анализ, опирающийся не только на интроспекцию, но и на данные параллельных корпусов, может дать интересные результаты.

В данной работе мы хотим проанализировать группу дискурсивных слов с семантикой актуализации забытого. Речь идет о двух типах ситуаций. В одних случаях говорящий напоминает адресату о каком-то объекте или событии,

в других — говорящий пытается припомнить какую-то деталь или название, касающиеся событий, о которых он рассказывает. Некоторые дискурсивные слова обслуживают оба типа контекстов, другие специализируются на одном из них.

К русским дискурсивным словам, выражающим эти идеи, относятся такие единицы, как *бишь* (*Где бишь мой рассказ несвязный?*), *там* (*Какой там у него номер дома?*), *еще* (*Ты с ней спал еще*), *помните* (*Вы про нее, помните, мне рассказывали?*), *этот* (*Эту... как ее... переписку Энгельса с этим... как его, дьявола... с Каутским?*), а также обороты как *там* (*Это было в журнале, как там, «Вопросы языкознания»*), *как его, как же, это самое* и др. Мы рассмотрим также переводные эквиваленты, которые используются для этих слов в английском и немецком языках. Мы будем опираться на данные параллельных корпусов НКРЯ в той мере, в какой это окажется возможным.

2. Наиболее ярким словом этой семантики является *бишь*³.

В современном языке *бишь* — вопросительная частица, которая используется (хотя и постепенно уходит из активного употребления) в сочетании с вопросительным местоимением, в постпозиции к нему, для указания на то, что запрашиваемая информация была доступна говорящему еще недавно, но вдруг выпала из его сознания, а она нужна ему для обеспечения связности текста. Невозможны, во всяком случае в современном языке, сочетания типа **Сколько бишь будет семья восемь?*; *??В каком бишь году была Куликовская битва?* Хотя эти сведения вполне могут быть забыты, *бишь* здесь неуместно: оно обычно связано с чем-то, забытым непосредственно в процессе разговора, или с каким-то сведением — а чаще всего наименованием — которое понадобилось говорящему в ходе этого разговора. *Бишь* не вполне уместно, если человек пытается извлечь из глубин памяти что-то давно и прочно забытое. В этом случае он скорее скажет, например, не *Как бишь ее звали?*, а *Как же ее звали?*

Очень показательны, что во многих случаях частица *бишь* сочетается с такими показателями внезапного вспоминания, как *А!*, *Да!* и такими средствами восстановления связности текста, как *так*, *так вот* и др. См. подробнее [Левонтина 2011; 2014].

На английском *бишь* в подобных контекстах чаще всего остается без перевода:

- (1) *He отрицаю, впрочем, что мне теперь гораздо лучше. Да, так на чем, бишь, я остановился? Мороз, эти летящие трамваи.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]
I don't deny, however, that I'm much better now. Yes, so where did I leave off? Frost, those flying trams... [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)]

² М. А. Булгаков. Собачье сердце.

³ *Бишь* также употребляется в составе союза *то бишь*, который имеет совсем другое значение (= *то есть*) и который мы здесь не рассматриваем.

- (2) — Да, о чем **бишь** я думал? — спросил себя Нехлюдов, когда все эти перемены в природе кончились. [Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)]
 “Why, what was I thinking about?” Nekhludoff asked himself when all these changes in nature were over. [Leo Tolstoy. The Awakening (William E. Smith, 1900)]

В английской устной речи сходную функцию может выполнять использование прошедшего времени вместо настоящего: *What was your name?* Кстати, такое использование претерита характерно и для немецкого языка.⁴

В немецком есть и ряд лексических средств выражения этого значения. Это в первую очередь такие частицы, как *doch, noch, gleich, halt, denn, eben, nur* или наречие *noch einmal* (*Wie war das **noch einmal**?*; *Wie war **noch einmal** der Name?*). Причем они могут использоваться в самых разных сочетаниях, ср. *doch noch, doch gleich, denn noch, halt doch eben*. Однако некоторые сочетания оказываются невозможными. Например, *gleich* и *noch*, выражающие одну и ту же идею, никогда не употребляются вместе.

Приведем некоторые примеры:

- (3) Коля говорил, что вас князь ребенком назвал... это хорошо... Да, что **бишь** я... еще что-то хотел... [Ф. М. Достоевский. Идиот (1868–1869)]
*Kolja hat mir gesagt, der Fürst habe Sie ein Kind genannt... Das ist eine richtige Bezeichnung... Ja, was hatte ich **doch noch**... ich wollte noch etwas sagen...* [Fëdor Michajlovič Dostojewski. Der Idiot (Hermann Röhl, 1981)]
- (4) Третье, — что **бишь** еще ты сказал? Князь Андрей загнул третий палец. [Л. Н. Толстой. Война и мир, том 2 (1865–1869)]
*Drittens ja, was sagtest du **denn noch**? — Fürst Andrej bog den dritten Finger um.* [Leo Tolstoj. Krieg und Frieden, 2. Band (Hermann Röhl, 1922)]
- (5) Хоть назад бы доехали в Гришкино, ночевали бы у Тараса. А то вот сиди ночь целую. Да что, **бишь**, хорошего было? [Л. Н. Толстой. Хозяин и работник]
*Und selbst wenn wir wieder nach Grischkino zurückgekommen wären, so hätten wir wenigstens bei Taras übernachten können. Aber nun kann man hier die ganze Nacht sitzen. Ja, ich dachte doch vorhin an etwas Schönes; was war das **nur**?*
 [Leo Tolstoj. Herr und Knecht]

Наиболее интересны случаи вынесения выражения, эквивалентного *бишь*, в отдельное высказывание (в английском в таких случаях используется *клевфт*):

⁴ Для русского такое использование прошедшего времени менее характерно, хотя в какой-то степени прошедшее время может передавать сходную идею. Ср. «У него, по-моему, был брат, — сказал Сталин, — интересно, где он сейчас?» [Ф. А. Искандер. Сандро из Чегема].

- (6) «Да, что **бишь** еще неприятное он пишет? — вспоминал князь Андрей содержание отцовского письма. [Л. Н. Толстой. Война и мир, том 2 (1865–1869)]

Ja, was war es doch? Schrieb er nicht auch etwas Unangenehmes? dachte Fürst Andrej und rief sich den Inhalt des Briefes noch einmal ins Gedächtnis zurück.
[Leo Tolstoj. Krieg und Frieden, 2. Band (Hermann Röhl, 1922)]

Как мы видим, разные переводные эквиваленты как бы выхватывают разные части толкования слова *бишь*. *Halt* выражает идею ‘остановись, мне нужно время’ (в случае *бишь* говорящий забыл и пытается вспомнить, из-за чего происходит запинка в коммуникации); *gleich* и сходное с ним в этом значении *eben* (‘только что’) вводит идею ‘только что я это знал, помнил’; *noch* (‘еще’) и соответствует идее восстановления связности текста. Наконец, о частице *doch* можно сказать, что она как бы дает коммуникативный пинок. Сама по себе она идею *бишь* не передает, однако очень уместна в сочетании с другими.

Что касается английского языка, то, как уже было сказано, лексическое выражение рассматриваемой функции для него нехарактерно. Однако она успешно выполняется синтаксическими средствами — с помощью так называемого клефта (расщепленного предложения):

- (7) О чем **бишь** я спорил? — думал он. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]
“*Whatever was it I was disputing about?*” he wondered. [Leo Tolstoy. Anna Karenina (Constance Garnett, 1911)].

Отдельно можно выделить форму как *бишь* *его* в функции припоминания имени человека. В этом случае стандартным английским переводом оказывается *what's his name*:

- (8) *Ей все этот старичок рассказал... как бишь его?* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]
That little old man — what's his name — has told her everything. [Mikhail Lermontov. A Hero of Our Time (J. H. Wisdom, Marr Murray, 1916)]

Само по себе выражение *what's his name?* на первый взгляд не содержит никаких дискурсивных маркеров. Интересно, однако, его превращение в устойчивый оборот, который произносится как единая синтагма и может субстантивироваться. Английские словари даже выделяют форму *what's-his-name* в качестве особого местоимения со значением близким к русскому *этот как его*:

- (9) *А этот, как его, он турок или грек? Тот черномазенький, на ножках журавлиных, / Не знаю, как его зовут, / Куда ни сунься: тут как тут*
[А. С. Грибоедов. Горе от ума].

Интересно, что имеется некоторое различие между русским *как-там-тебя* и английским *what's-your-name*. Последнее может использоваться не только

тогда, когда говорящий забыл некое имя, но и тогда, когда оно никогда не было ему известно.⁵ Так, если говорящий стоит на берегу и видит незнакомого человека на борту своей яхты, он крикнет *Hey, girl, what's-your-name?* (в меньшей степени это относится и к форме *what's-his-name*). На это обстоятельство обратила наше внимание анонимный рецензент Т. Е. Янко. Она также отметила, что «по сообщению носителей английского языка это выражение произносится с акцентом на *what*, что, вообще говоря, не соответствует законам интонирования предложения с такой же структурой *What is your name?*».

3. Теперь остановимся кратко на другой частице, которая в одном из своих многочисленных значений сближается с рассмотренной частицей *бишь*. Речь идет о частице *там*; ср. *Какой там у него адрес?*; *Как там его по отчеству?* В основе этого значения там лежит яркая внутренняя форма этого слова, его пространственное значение. Говорящий как бы удаляет от себя некоторый объект, либо дистанцируясь от него, либо убирая его из фокуса внимания: *Какой там у него телефон?*; *Как там у Пушкина?* Говорящий представляет информацию не столько как неизвестную (как в случае *Какой у него телефон?*), сколько как находящуюся далеко, за пределами светлого поля сознания и потому не вполне доступную. Отметим, что в нашем случае *там* просодически оформляется как клитика, в отличие от некоторых других *там*, имеющих просодию вводного слова. Использование идеи отдаления для указания на то, что что-то было забыто, очень естественно. Ср. выше об употреблении прошедшего времени вместо настоящего в английском и немецком (отдаление во времени).

Можно отметить, что *там* имеет ряд тонких отличий от *бишь*.

Там гораздо менее привязано к контексту конкретного разговора; оно, в отличие от *бишь*, совершенно свободно используется во фразах типа *Сколько там будет семью восемь?*; *В каком там году была Куликовская битва?*

По этой же причине невозможны фразы типа **О чем там я?*, чрезвычайно характерные для *бишь*. В контексте восстановления нарушенной связности идея отдаления неуместна. Здесь как раз хорошо подходит другое дейктическое слово — *это*: *О чем это я?* Возможно, однако *Что там ты говорил на счет...?*; *О чем там мы говорили?* — здесь происходит возвращение к уже закрытой теме. Связность как раз не была нарушена, маркируется смена темы.⁶

Это *там* также может оставаться без перевода не только в английском, но и в немецком. Или могут использоваться отдаленные соответствия, такие как *oder so ähnlich* (\approx или что-то в этом роде):

- (10) *По поводу всех этих вопросов, преступлений, среды, девочек мне вспомнилась теперь, — а впрочем, и всегда интересовала меня, — одна ваша статейка: «О преступлении» ... или как там у вас, забыл название,*

⁵ См. об этом выражении [Zwicky 1974].

⁶ См. подробнее в [Левонтина 2011].

не помню. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]
Anlässlich aller dieser Fragen, Verbrechen, kleiner Mädchen, des Milieus ist mir eben ein kleiner Aufsatz von Ihnen eingefallen — er hat mich übrigens immer interessiert. Er heißt ›Vom Verbrechen‹ oder so ähnlich, ich weiß nicht mehr genau. [Fjodor Dostojewski. Verbrechen und Strafe (Alexander Eliasberg, 1924)]

В принципе, для перевода *там* на немецкий могут использоваться те же частицы, что и для перевода *бишь*. Существенно, однако, что при этом *gleich* и *eben* будут здесь наименее удачны, потому что в них не только отсутствует идея отдаления, лежащая в основе *там*, но и наоборот, фокусируется идея близости (временной), характерная именно для *бишь*.

4. Надо заметить, что русские *помните* и *помнишь* имеют вводное употребление, в котором сближаются с рассмотренными выше дискурсивными частицами. При этом в русском языке два варианта актуализации забытого — ориентированные на говорящего и на адресата (припоминание и напоминовение) — достаточно четко противопоставлены, однако в переводах они часто отражаются одинаково.

(11) *Ну можно ли было предполагать, когда, **помните**, Чичиков только что приехал к нам в город, что он произведет такой странный марш в свете?* [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)].⁷

Помните часто переводится буквально, но интересно, что в немецких примерах еще добавляются частицы *doch noch*.

(12) — *Это вот та старуха, — <...> — та самая, про которую, **помните**, когда стали в конторе рассказывать, а я в обморок-то упал.* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]
*»Es ist dieselbe Alte,« <...> »Dieselbe, von der man, **Sie erinnern sich doch noch**, im Polizeibureau zu sprechen anfing, worauf ich in Ohnmacht fiel.«* [Fjodor Dostojewski. Verbrechen und Strafe (Alexander Eliasberg, 1924)]

(13) *Так проходя-то в восьмом часу-с, по лестнице-то, не видали ль хоть вы, во втором-то этаже, в квартире-то отворенной — **помните?*** [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]
*Nun, als Sie gegen acht über die Treppe gingen, sahen Sie da nicht im ersten Stock, in einer offen stehenden Wohnung — **Sie erinnern sich doch noch?*** [Fjodor Dostojewski. Verbrechen und Strafe (Alexander Eliasberg, 1924)].

Или частицы *schon* и *noch* (ср. примеры 14 и 16).

⁷ Кстати, английский переводчик (D. J. Hogarth, 1931) вообще выпустил тут целый кусок текста, оставив только первую фразу фрагмента.

- (14) *Ну и прекрасно; радоваться всегда не худо. А к той, **помнишь?** послал?*
 [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1860–1861)]
Herrlich! Es ist immer gut, sich zu freuen. Aber hat man dort hingeschickt?
Du weißt schon. [Iwan Turgenew. Väter und Söhne (1911)]

Сходным образом это происходит в английских переводах:

- (15) *Как же! мы виделись у Росси, **помните**, на этом вечере, где декламировала эта итальянская барышня — новая Рашель.* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)]
*To be sure! We met at Rossi's, **do you remember**, at that soiree when that Italian lady recited — the new Rachel?* [Leo Tolstoy. Anna Karenina (Constance Garnett, 1911)]

Ср. также следующие примеры из русских текстов с английским и немецким переводами:

- (16) *Тут один стервец у меня сидит, мальчишка. Понимаешь, на станции попался тот самый Жухрай, **помнишь**, который железнодорожников направил на нас.* [Н. А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930–1934)]
*I've got a damn nuisance of a boy here. **Remember** that chap Zhukhrai, the one who stirred up the railway-men against us? Well, he was caught at the station.* [Nikolai Ostrovsky. How the Steel was Tempered (part 1) (R. Prokofieva, 1952)]
*Ich habe da so einen niederträchtigen Halunken zu fassen gekriegt, einen Rotzkerl. Verstehst du, uns war eben der Shuchrai in die Hände gefallen, der — **weist du noch?** —, der die Eisenbahner gegen uns aufgehetzthat.* [Nikolai Ostrowski. Wie der Stahl gehärtet wurde (erster Teil) (1936–1977)]
- (17) *А ведь признайся, брат, ведь ты, право, преподло поступил тогда со мною, **помнишь**, как играли в шашки.* [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)]
However, my friend, you must admit that you treated me rather badly the day that we played that game of chess... [Nikolay Gogol. Dead Souls (D. J. Hogarth, 1931)]
*Aber gib's nur zu, Bruder, das war damals wirklich gemein von dir, **erinnerst du dich**, als wir Dame gespielt haben, ich hatte doch gewonnen... Ja, Bruder, du hast mich einfach übers Ohr gehauen.* [Nicolaj Gogol. Die toten Seelen (Michael Pfeiffer, 1978)]

При этом дискурсивное *remember* нередко сопровождается модальными словами (*may, will*):

- (18) *Я ему сулил каурую кобылу, которую, **помнишь**, выменял у Хвостырева.*
 [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835–1852)]
*I have promised him the roan filly which, as **you may remember**, I swopped from Khvostirev.* [Nikolay Gogol. Dead Souls (D. J. Hogarth, 1931)]

- (19) *Я ведь тебе говорил, **помнишь**, про одну барышню, в которую я был влюблен, бывши ребенком.* [Л. Н. Толстой. Юность (1856)]
You will remember how I told you about a girl with whom I used to be in love when was a little boy? [Leo Tolstoy. Youth (C. J. Hogarth, 1910–1935)]

5. В невопросительных контекстах в русском языке также используется интересный маркер напоминания — частица *еще*; ср. у нее **еще** юбка была клетчатая. Такое *еще* не используется просто при рассказе о человеке: *Я увидел девушку с большой синей сумкой и в темных очках. *У нее еще юбка была клетчатая.* Смысл этого *еще* в том, чтобы уточнить неудавшуюся идентификацию объекта. Говорящий уже назвал какие-то отличительные особенности, но видит, что их недостаточно. Здесь проявляется связь с основным значением *еще* — говорящий **дополняет** уже сделанное описание. Интересно, однако, что *еще* обычно используется именно в контексте напоминания, а не, например, при идентификации одного из множества видимых объектов: *’Вон, смотри, она в левом верхнем углу, у нее еще юбка клетчатая.* Поэтому для *еще* характерны сочетания с *помнишь, помните, вспомни:*

- (20) *Помнишь нашу соседку? Она еще в обувном работает. Я поразился, когда на Новый год увидел в школе её дочь.* [«Знание — сила», 2003]

- (21) *Помнишь, Постум, у наместника сестрица? / Худоцавая, но с полными ногами. / Ты с ней спал еще... Недавно стала жрица. / Жрица, Постум, и общается с богами.* [И. Бродский]

Это как раз тот случай, когда параллельные корпусы в их нынешнем состоянии мало помогают в установлении переводных эквивалентов: мы имеем дело с не самым частым и очень разговорным значением частого слова. Даже само по себе увеличение корпуса здесь не поможет: нужна тонкая семантическая разметка, чтобы отделить нужное значение таких слов, как *еще, noch* и под. от всех других.

Можно, однако, отметить, что для немецкого также характерно использование в аналогичных контекстах частицы *noch (еще)*:

- (22) *...und du hast noch mit ihm eine geraucht*
[<http://www.youtube.com/watch?v=6uKvy4qs61I>]

Этот пример интересен порядком слов. Дело в том, что, если бы имелось в виду, что адресат выкурил еще одну сигарету, то *noch* стояло бы непосредственно перед *eine*: *Und du hast mit ihm noch eine geraucht.* При имеющемся же порядке слов возможно только одно понимание: ‘ты еще с ним однажды покурил’. Таким образом, в этом значении *noch* действительно очень похоже на рассматриваемое значение *еще*.

6. Сама природа идеи актуализации забытого такова, что очень естественным оказывается использовать соответствующие слова как заполнители пауз hesitation. Особенно это характерно для сочетаний *как там, как там его, как его.*

Встретившееся в цитированном выше примере из Достоевского (*как там у вас*) *как там* в русском языке в значительной степени лексикализовалось и может иметь вводное употребление (*Он учится на факультете, как там, защиты информации*).

Когда речь идет об имени человека, в русской устной речи часто используется выражение *как его*. В этом случае достаточно стандартный перевод на немецкий — *wie heißt er doch gleich*, а на английский — *what's his name*:

(23) — *У вас ведь, кажется, только еще одна комната и занята. Этом, как его Ферд... Фер... — Фердыщенко.* [Ф. М. Достоевский. Идиот (1868–1869)]
»Es ist bei euch, soviel ich weiß, erst ein Zimmer vermietet. An diesen, wie heißt er doch gleich? Ferd... Fer... «» Ferdyschtschenko.» [Fëdor Michajlovič Dostojewski. Der Idiot (Hermann Röhl, 1981)]

(24) *Да не только мышь, не проникнет даже этом, как его...из города Кириафа.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]
Not only a mouse, but even that one, what's his name...from the town of Kiriath, couldn't get through. [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)]

Итак, мы увидели, что в русском языке имеется богатый репертуар дискурсивных средств для выражения идеи актуализации забытого. В английском соответствующие значения если и выражаются, то скорее либо синтаксически, либо с помощью эксплицитных высказываний. В немецком же репертуар дискурсивных средств не менее богат, чем в русском, однако при этом нет одно-однозначного соответствия между русскими и немецкими дискурсивными словами. Семантические конфигурации у них различные, и хотя смысловые компоненты зачастую очень похожи, но сочетаются по-разному, и поэтому в разных контекстах все частицы переводятся достаточно разнообразно.

Наша работа стала возможной благодаря наличию в рамках НКРЯ хороших корпусов русско-английских и русско-немецких параллельных текстов. Предсказать все богатство возможных межъязыковых соответствий невозможно. Вместе с тем, наш анализ продемонстрировал и ограничения, свойственные исследованиям, основанным на параллельных корпусах, особенно применительно к дискурсивным словам. Только комбинация разных методов исследования может дать адекватный результат.

Литература

1. Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. (2009), 500 способов сказать «нет» (русско-немецкие соответствия) // Логический анализ языка. Ассерция и негация / Отв. ред. член-корр. РАН Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2009. С. 400–410.

2. *Левонтина И. Б.* (2011), Частицы переспроса и припоминания // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М. Языки славянских культур, 2011. С. 269–278.
3. *Левонтина И. Б.* (2014), Дискурсивные слова в вопросительных предложениях // *Die Welt der Slaven*, Vol. LX, pp. 201–218.
4. *Arppe A., Järvikivi J.* (2007), Every method counts: Combining corpus-based and experimental evidence in the study of synonymy, *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 3 (2), pp. 131–159.
5. *Baroni M., Guevara E., Pirrelli V.* (2007), Generating well-formed compounds: A corpus-based model tested against psycholinguistic evidence, available at: http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/205_Paper.pdf
6. *Bybee J., Hopper P.* (2001), Introduction to frequency and the emergence of linguistic structure, *Frequency and the emergence of linguistic structure*, 1–24, John Benjamins, Amsterdam.
7. *Divjak D., Gries S. T.* (eds.) (2012), *Frequency effects in language representation*, Mouton de Gruyter, Berlin, New York.
8. *Gilquin G., Gries S. T.* (2009), Corpora and experimental methods: A state-of-the-art review, *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 5 (1), pp. 1–26.
9. *Gries S. T., Hampe B., Schönefeld D.* (2005), Converging evidence: Bringing together experimental and corpus data on the association of verbs and constructions, *Cognitive Linguistics* 16 (4), pp. 635–676.
10. *Kepper S., Reis M.* (eds.) (2005), *Linguistic evidence: Empirical, theoretical and computational perspectives*, Mouton de Gruyter, Berlin, New York.
11. *Littlemore J., MacArthur F.* (2012), Figurative extensions of word meaning: How do corpus data and intuition match up?, *Frequency effects in language representation*, Mouton de Gruyter, Berlin, New York, Vol. 2, pp. 195–233.
12. *Marzo D., Rube V., Umbreit B.* (2007), Salience and frequency of meanings: Comparison of corpus and experimental data on polysemy, available at: http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/205_Paper.pdf
13. *McGee I.* (2009), Adjective-noun collocations in elicited and corpus data: Similarities, differences, and the whys and wherefores, *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 5 (1), pp. 79–103.
14. *Mollin S.* (2009), Combining corpus linguistic and psychological data on word co-occurrences: Corpus collocates versus word associations, *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 5 (2), pp. 175–200.
15. *Nordquist D.* (2004), *Comparing elicited data and corpora*, Language, culture and mind, CSLI Publications, Stanford, CA, pp. 211–223.
16. *Wray A.* (2002), *Formulaic language and the lexicon*, Cambridge University Press, Cambridge.
17. *Wulff S.* (2007), Combining corpus and experimental data to capture idiomaticity, available at: http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/205_Paper.pdf
18. *Zwicky A.* (1974), Hey, Whatsyourname!, *Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*, Chicago, pp. 787–801.

References

1. *Arppe A., Järvikivi J.* (2007), Every method counts: Combining corpus-based and experimental evidence in the study of synonymy, *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 3 (2), pp. 131–159.
2. *Baroni M., Guevara E., Pirrelli V.* (2007), Generating well-formed compounds: A corpus-based model tested against psycholinguistic evidence, available at: http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/205_Paper.pdf
3. *Bybee J., Hopper P.* (2001), Introduction to frequency and the emergence of linguistic structure, *Frequency and the emergence of linguistic structure*, 1–24, John Benjamins, Amsterdam.
4. *Divjak D., Gries S. T.* (eds.). (2012), *Frequency effects in language representation*, Mouton de Gruyter, Berlin, New York.
5. *Dobrovolskij D. O., Levontina I. B.* (2009), 500 ways to say “no” (Russian-German correlations) [500 sposobov skazat’ “net” (russko-nemetskie sootvetstviya)], *Logical analysis of language. Assertion and negation [Logicheskij analiz yazyka. Assertsiya i negatsiya]*, Indrik, Moscow, pp. 400–410.
6. *Gilquin G., Gries S. T.* (2009), Corpora and experimental methods: A state-of-the-art review, *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 5 (1), pp. 1–26.
7. *Gries S. T., Hampe B., Schönefeld D.* (2005), Converging evidence: Bringing together experimental and corpus data on the association of verbs and constructions, *Cognitive Linguistics* 16 (4), pp. 635–676.
8. *Kepser S., Reis M.* (eds.) (2005), *Linguistic evidence: Empirical, theoretical and computational perspectives*, Mouton de Gruyter, Berlin, New York.
9. *Levontina I. B.* (2011), Particles of overinterrogation and remembering [Chastitsy peresprosa i pripominaniya], *Word and language [Slovo i yazyk], Yazyki slavianskikh kul’tur*, Moscow, pp. 269–278.
10. *Levontina I. B.* (2014), Discursive words in interrogative sentences [Diskursivnye slova v voprositel’nykh predlozheniyakh], *Die Welt der Slaven*, Vol. LX, pp. 201–218.
11. *Littlemore J., MacArthur F.* (2012), Figurative extensions of word meaning: How do corpus data and intuition match up?, *Frequency effects in language representation*, Mouton de Gruyter, Berlin, New York, Vol. 2, pp. 195–233.
12. *Marzo D., Rube V., Umbreit B.* (2007), Salience and frequency of meanings: Comparison of corpus and experimental data on polysemy, available at: http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/205_Paper.pdf
13. *McGee I.* (2009), Adjective-noun collocations in elicited and corpus data: Similarities, differences, and the whys and wherefores, *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 5 (1), pp. 79–103.
14. *Mollin S.* (2009), Combining corpus linguistic and psychological data on word co-occurrences: Corpus collocates versus word associations, *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 5 (2), pp. 175–200.
15. *Nordquist D.* (2004), *Comparing elicited data and corpora*, Language, culture and mind, CSLI Publications, Stanford, CA, pp. 211–223.

16. *Wray A.* (2002), *Formulaic language and the lexicon*, Cambridge University Press, Cambridge.
17. *Wulff S.* (2007), *Combining corpus and experimental data to capture idiomaticity*, available at http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/205_Paper.pdf
18. *Zwicky A.* (1974), *Hey, Whatsyourname!*, *Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*, Chicago, pp 787–801.